

Глава 1

А С РЕБЕНКОМ — ТРОЕ

— Ого! Здорово!

Помню, этот возглас вырвался у меня сразу же, как только Вивиан вышла из ванной и показала мне тест на беременность с положительным результатом.

Честно говоря, скорее я был удивлен. «Как, уже?..»

Шок и доля ужаса. Мы поженились чуть больше года назад, и, как только решили обзавестись детьми, Вивиан объявила мне, что первые несколько лет намерена провести с ними дома. Раньше я всегда соглашался с ней, мне и самому этого хотелось, но в тот момент я понял, что нашей жизни семейной пары с двумя источниками дохода вскоре придет конец. Мало того, я даже не был уверен, готов ли стать отцом, но что мне оставалось? Ведь она не обманывала меня, не скрывала, что хочет ребенка, и сразу сообщила, когда перестала пить таблетки. Конечно, я тоже хотел детей, но она прекратила принимать таблетки всего три недели назад! Помню, я думал, что у меня, наверное, есть как минимум несколько месяцев в запасе, пока ее организм перестроится, приспособится к нормальному состоянию. Я рассуждал так: может, забеременеть не так-то просто и придется ждать год или два, откуда мне знать.

Но только не моей Вивиан. Ее организм быстро перестроился.

Осторожно обняв, я смотрел в ее лицо, пытаюсь разглядеть что-то особенное. Но ведь еще слишком рано, верно? И кстати, что такое это пресловутое «сияние лица»? Признак того, что кое-кто раскраснелся и взмок от жары? Или способ намекнуть, насколько теперь изменится наша жизнь?

Вопросы множились, а я, Рассел Грин, обнимал свою жену и не мог ответить ни на один из них.

Через несколько месяцев произошло грандиозное событие, а если короче — ЭТО наконец свершилось, но я, признаться, почти весь день провел как в тумане.

Сейчас, спустя время, я думаю, что следовало бы записать все детали сразу, пока они были еще свежи в памяти. Такие события, как ЭТО, надо сохранять как можно подробнее, а не в виде нечетких моментальных снимков, на которые теперь похожи мои воспоминания. Да и этим воспоминаниям я обязан исключительно Вивиан. Каждая подробность как будто врезалась в ее память, ведь принято считать, что боль обостряет разум. А Вивиан все-таки рожала.

Иногда, вспоминая события того дня, мы с Вивиан немного расходились во мнениях. К примеру, я считал свои действия совершенно оправданными, а Вивиан утверждала, что я вел себя то как эгоист, то как полный идиот. Когда она рассказывала эту историю друзьям — а делала она это множество раз, — слушатели непременно посмеивались или качали головами, выражая сочувствие.

Положа руку на сердце я не считаю себя ни эгоистом, ни полным идиотом. В конце концов, это наш первый ребенок. Никто не знал, как будут протекать роды. Неужели к такому вообще можно подготовиться? Мне говорили, что процесс родов непредсказуем; на

протяжении беременности Вивиан не раз напоминала мне, что от первых схваток до рождения ребенка он может занять больше суток, особенно если ребенок первый, и что роды продолжительностью двенадцать часов и более — норма. Как большинство молодых будущих отцов, я считал жену экспертом в этой области и верил ей на слово. Ведь это она, а не я, перечитала кучу книг по беременности и родам.

Замечу также, что в то утро я действовал не так уж и бестолково. К своим обязанностям я отнесся со всей серьезностью. И сумка с вещами Вивиан, и сумка с вещами ребенка были собраны, содержимое обеих перепроверено дважды. Фотоаппарат и видеокамера заряжены, детская полностью укомплектована всем, что только могло понадобиться нашему ребенку в течение как минимум месяца. Я знал кратчайший путь до больницы и вдобавок изучил запасные маршруты — на случай пробки на шоссе. А еще знал, что ребенок скоро появится на свет: хоть многочисленные сигналы тревоги в преддверии дня его рождения и были ложными, даже до меня дошло, что обратный отсчет уже начался.

Поэтому я не особо удивился, когда в половине пятого 16 октября 2009 года моя жена разбудила меня и объявила, что схватки повторяются каждые пять минут и пора ехать в больницу. Мне и в голову не пришло усомниться в ее словах, ведь она знала разницу между схватками Брэкстона-Хикса и *истинными*. И хотя я ждал этого момента, первые мои мысли были не о том, чтобы, наскоро одевшись, погрузить вещи в машину, и даже не о жене и не о ребенке, который вот-вот должен был родиться. Вместо этого в голове у меня крутилось что-то вроде *«сегодня свершится ЭТО, все будут делать снимки, а потом долгие годы рассматривать их. И мне, хотя бы ради потомков, перед выездом следовало*

бы заскочить в душ, потому что мои волосы выглядят так, будто я всю ночь провел в аэродинамической трубе».

Я тщеславен, просто мне казалось, что времени у меня еще *хоть отбавляй*, потому я и сказал Вивиан, что буду готов через пару минут. Как правило, я не задерживаюсь в душе, обычно у меня уходит не более десяти минут на все про все, в том числе на бритье. Но в тот день, как только я взбил на щеках крем для бритья, мне показалось, что я слышу крик жены из гостиной. Я прислушался, ничего больше не услышал, но на всякий случай ускорился. Когда ополаскивался, я снова услышал ее крик. Запахнув на талии полотенце, я вышел в темный коридор. Бог свидетель, я простоял под душем меньше шести минут.

Мне понадобилась секунда, чтобы сообразить, что Вивиан стоит на четвереньках, кричит в свой мобильник, что я принимаю «ИДИОТСКИЙ ДУШ!» и «КАКОГО ХРЕНА ЭТОТ КРЕТИН СЕБЕ ДУМАЕТ?!?!?!». Определение «кретин» было самым мягким из всех, которыми она меня наградила. Я не знал, что схватки повторяются уже не каждые пять, а каждые две минуты и что у нее начались боли в пояснице. Мучительные боли. Вивиан внезапно испустила вопль такой силы, что он, наверное, до сих пор слышится в нашем районе в Шарлотте, Северная Каролина, — довольно мирном и тихом месте.

Можете не сомневаться: после этого я еще прибавил скорости, натянул на мокрое тело одежду и бросился грузить вещи в машину. Я поддерживал Вивиан, пока мы шли до машины, и ни слова не сказал о том, что она впилась ногтями в мое предплечье. Через мгновение я уже сидел за рулем и сразу после выезда на улицу позвонил акушеру, который пообещал встретить нас в больнице.

Когда мы подъехали, схватки повторялись по-прежнему каждые две минуты, и это означало, что

Вивиан направят напрямик в родильную палату. Я держал ее за руку и пытался руководить ее дыханием — причем она снова не постеснялась в выражениях, чтобы высказать все, что думает обо мне и о том, куда мне «засунуть это чертово дыхание!» — пока не пришли делать эпидуральную анестезию. В начале беременности Вивиан много думала о том, соглашаться ли на анестезию, и нехотя приняла верное решение. Как только лекарство подействовало, мучения прекратились, и Вивиан впервые с утра улыбнулась. Ее акушер — лет шестидесяти, седой, с аккуратной стрижкой и приветливым лицом — заходил в палату каждые двадцать—тридцать минут, чтобы проверить раскрытие шейки. А я между его визитами позвонил родителям и моей сестре.

Момент настал. Медсестры подготовили аппаратуру. А потом врач велел моей жене тужиться.

Вивиан тужилась на протяжении трех схваток; во время третьей врач неожиданно начал поворачивать кисти рук, как фокусник, извлекающий кролика из цилиндра, и я опомниться не успел, как стал отцом.

Вот так.

Врач осмотрел нашу малышку, выявил легкую анемию, зато на месте были все десять пальчиков на руках, десять на ногах, здоровое сердце и комплект функционирующих легких. Я спросил об анемии, но врач сказал, что причин для беспокойства нет, потом брызнул какой-то вязкой жидкостью в глаза нашего ребенка. Малышку вымыли, запеленали и положили на грудь моей жене.

Как я и предполагал, фотографироваться нам пришлось весь день. Но, как ни странно, когда снимки рассматривали, никому не было дела до того, как я на них выгляжу.

Говорят, дети рождаются похожими или на Уинстона Черчилля, или на Махатму Ганди. Но поскольку анемия придавала серовато-бледный оттенок коже малышки, моей первой мыслью было, что она похожа на Йоду, только, конечно, без длинных ушей. Заметьте — на *прекрасного* Йоду, *потрясающего* Йоду, Йоду настолько *чудесного*, что, когда она схватилась за мой палец, у меня от счастья едва не разорвалось сердце. Через несколько минут прибыли мои родители, и я, в нервном возбуждении выбежавший встречать их в коридор, выпалил первое, что пришло в голову:

— *У нас серый ребенок!*

Мама посмотрела на меня, как на сумасшедшего, а отец принялся ковырять в ухе, словно мог услышаться из-за скопившейся в нем серы. Ничего не ответив, они вошли в палату и увидели Вивиан, с безмятежным выражением лица укачивающую на руках нашу дочь. Мы переглянулись, и я подумал, что Лондон суждено стать самой любимой малышкой в мире. Да, все новоиспеченные отцы наверняка считают то же самое. Но *самый любимый ребенок в мире* может быть только один, и я, думая об этом простом факте, слегка удивлялся тому, что другие посетители больницы не спешат заглянуть в нашу палату, полюбоваться моей дочерью.

Моя мать шагнула к постели и вытянула шею, чтобы разглядеть ребенка.

— Вы уже выбрали имя? — спросила она.

— Лондон, — ответила моя жена. — Мы решили назвать ее Лондон.

Наконец мои родители уехали, но вернулись в тот же день. В промежутке между их визитами нас навестили и родители Вивиан. Они прилетели из Александрии,

штат Виргиния, где выросла Вивиан. Их приезд привел мою жену в восторг, но сам я мгновенно почувствовал, как напряжение в палате начало нарастать. Мне всегда казалось, что они считают, будто их дочь *устроилась* в жизни, решив выйти за меня. И моих родителей они, похоже, недолюбливали, и не без взаимности. Все четверо общались тепло, но тем не менее сразу было видно, что они предпочитают избегать общества друг друга.

Моя старшая сестра Мардж тоже приехала вместе со своей подругой Лиз и привезла подарки. Они пробыли вместе дольше, чем мы с Вивиан — на тот момент более пяти лет, и я не только считал Лиз идеальной парой для моей сестры, но и знал: Мардж — лучшая старшая сестра, какая только может быть у мальчишки. Мой отец работал сантехником, мать — секретарем в приемной дантиста, пока несколько лет назад не вышла на пенсию. И Мардж порой не только заменяла их, но и служила моим доверенным лицом, помогая преодолевать муки пубертата. Кстати, ни Мардж, ни Лиз не любили родителей Вивиан: эта неприязнь стала очевидной еще накануне моей свадьбы, когда родители Вивиан наотрез отказались посадить Мардж и Лиз вместе за главный стол. Правда, в итоге Мардж присутствовала на свадьбе, а Лиз нет, вдобавок Мардж предпочла надеть не платье, а смокинг, но нанесенного оскорбления не простили обе, к тому же гетеросексуальные пары никто не разбивал. Честно говоря, я не виню Мардж и Лиз за их отношение к родителям Вивиан. И между прочим, Мардж и Лиз ладят намного лучше, чем большинство знакомых мне супружеских пар.

Посетители приходили и уходили, а я весь день провел в палате с женой, сидел то в кресле-качалке у окна, то на постели рядом с Вивиан, и мы оба время от времени восторженно повторяли: *у нас дочь!* Я не сводил глаз с жены и малышки, точно зная, что принадлежу им все-

цело и что мы навсегда связаны друг с другом. Чувства переполняли меня. Вдруг я задумался о том, как Лондон будет выглядеть в подростковые годы, о чем будет мечтать, как распорядится своей жизнью. Как только Лондон начинала хныкать, Вивиан машинально подносила ее к груди, а я становился свидетелем очередного чуда.

«Откуда Лондон знает, что делать? — мысленно изумлялся я. — Господи, откуда ей это известно?»

Об этом дне у меня сохранилось еще одно сокровенное воспоминание.

Это случилось в первую ночь, проведенную в больнице, спустя долгое время после ухода наших последних посетителей. Вивиан уснула, я дремал в кресле-качалке, когда услышал, что моя дочь ворочается. До этого дня я ни разу не держал на руках новорожденного младенца, поэтому прижал ее к себе. Я думал, придется будить Вивиан, но, к моему удивлению, Лондон притихла. Медленно и осторожно я отступил к качалке, сел и следующие двадцать минут изумлялся чувствам, пробуждающимся во мне. Я уже всем сердцем любил свою дочь, но теперь жизнь без нее стала казаться мне невообразимой. Помню, как я шептал ей: я ее отец, я всегда готов прийти к ней на помощь, и она, слишком буквально восприняв мои слова, обкакалась, заерзала и, наконец, расплакалась. И мне пришлось передать ее Вивиан.

Глава 2

В НАЧАЛЕ

— Сегодня я все им сказала, — объявила Вивиан.

Мы наконец остались вдвоем. Вивиан устало переоделась в пижаму и заползла под одеяло. Была середина

декабря. Лондон уснула меньше часа назад; в возрасте восьми недель она по-прежнему спала всего три-четыре часа подряд. Вивиан не жаловалась, но постоянно была уставшей. Красивой, но уставшей.

— Кому и что ты сказала? — спросил я.

— Робу, — ответила она, имея в виду своего босса в медиакомпании, где работала. — Я известила его, что не выйду на работу после окончания отпуска по беременности и родам.

— А-а... — отозвался я, ощущая тот же укол ужаса, что и во время осознания себя отцом. Вивиан зарабатывала наравне со мной, и я сомневался, что без ее заработка мы сможем позволить себе прежний образ жизни.

— Он сказал, что, если я передумаю, двери для меня всегда открыты. Но я объяснила, что чужие люди воспитывать Лондон не будут. Иначе зачем вообще было заводить ребенка?

— Меня не надо убеждать, — отозвался я, делая все возможное, чтобы скрыть свои чувства. — Я на твоей стороне. Но ты ведь понимаешь, что это означает. Теперь мы не сможем так же часто ужинать вне дома и будем вынуждены сократить расходы.

— Понимаю.

— И ты согласна ходить по магазинам реже?

— Ты говоришь это так, будто я швыряю деньги на ветер.

Иногда выписки по кредитке говорили об обратном, как и шкаф Вивиан, в который с трудом помещались одежда, туфли и сумочки, но я уловил раздражение в ее голосе, а меньше всего мне сейчас хотелось затевать спор. Вместо этого я притянул Вивиан к себе, решив закончить разговор иначе, и поцеловал ее в шею.

— Прямо сейчас? — спросила она.

— Уже столько времени прошло...

— *И моему бедняжке кажется, что он вот-вот лопнет, да?*

— *Я бы не рисковал.*

Она рассмеялась, но едва я начал расстегивать ее пижамную кофточку, как из радионяни донесся какой-то шорох. Мы в тот же миг замерли не дыша.

Тишина.

Но когда я решил, что опасность миновала, и отважился сделать выдох — из динамика радионяни донесся отчаянный крик. Я перекатился на спину, Вивиан выскользнула из постели. К тому времени, как Лондон наконец успокоилась — для чего понадобилось добрых полчаса, — Вивиан была уже не в том настроении, чтобы повторять попытку.

Но утром нам с Вивиан повезло. Настолько повезло, что я вызвался побыть с Лондон, когда она проснется, чтобы Вивиан могла еще немного поспать. Однако Лондон, должно быть, устала не меньше Вивиан: за то время, пока я пил две чашки кофе, слышал только, как она кряхтит в полусне.

Войдя в детскую, я увидел, что мобиль над кроватью вращается, а Лондон энергично перебирает ножками. Я не сдержал улыбку, и вдруг в ответ она тоже улыбнулась.

Это был не рефлекс. Я не верил своим глазам. Улыбка была настоящая, как восход солнца, а когда Лондон залилась неожиданным смехом, и без того блистательное начало моего дня внезапно стало в тысячу раз лучше.

Мудрым человеком меня не назовешь.

Нет, интеллектом я не обижен. Но быть мудрым — это не просто обладать интеллектом. Мудрость включает в себя понимание, эмпатию, опыт, душевное спокойствие и интуицию. И сейчас я могу точно сказать, что многих из этих черт мне явно недостает.

Вот что еще я усвоил: возраст — гарантия мудрости не более чем гарантия интеллекта. Да, знаю, эта точка зрения непопулярна — мы ведь нередко приписываем нашим старикам мудрость отчасти потому, что они седы и морщинисты, верно? Но за последнее время я убедился, что некоторым людям от рождения присуща способность с возрастом становиться мудрее, а другие лишены ее, а у некоторых наличие мудрости проявляется даже в молодости.

К примеру, у моей сестры Мардж. Она мудра, хотя всего на пять лет старше меня. И Лиз тоже. Она моложе Мардж, но ее замечания всегда имеют смысл и вместе с тем деликатны. После разговоров с ней я часто ловлю себя на том, что подолгу обдумываю каждое ее слово. Мои родители тоже мудры, и я, много размышляя об этом, пришел к выводу, что хоть мудрость и передается в нашей семье по наследству, я ею начисто обделен.

Ведь если бы я был мудрым, я прислушался бы к Мардж еще летом 2007 года, когда она привезла меня на кладбище, где похоронены наши дед и бабушка, и спросила, действительно ли я уверен в решении жениться на Вивиан.

Если бы я был мудрым, я прислушался бы к отцу, когда он спросил меня, тридцатипятилетнего, уверен ли я, что хочу открыть собственную рекламную компанию.

Если бы я был мудрым, я прислушался бы к маме, которая советовала мне проводить с Лондон как можно больше времени, ведь дети так быстро растут, а упущенные годы не вернешь.

Но, как я уже сказал, мудрым человеком меня не назовешь. В итоге моя жизнь практически вошла в штопор. И я не был уверен, удастся ли мне когда-нибудь выйти из него.